

Максим Горький

Несколько дней

в роли

редактора провинциальной...

Максим Горький Несколько дней в роли редактора провинциальной газеты

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=170416

М. Горький. Собрание сочинений в тридцати томах: Государственное издательство художественной литературы; Москва; 1949

Аннотация

Впервые напечатано в «Самарской газете», 1895, номер 116, 4 июня; номер 117, 6 июня; номер 122, 11 июня; номер 129, 20 июня. Подпись: Паскарелло.

Принадлежность М.Горькому данного псевдонима подтверждается Е.П.Пешковой (см. хранящуюся в Архиве А.М.Горького «Краткую запись беседы от 13 сентября 1949 г.») и А.Треплевым, работавшим вместе с М.Горьким в Самаре (см. его воспоминания в сб. «О Горьком – современники», М. 1928, стр.51).

Указание на «перевод с американского» сделано автором по цензурным соображениям.

Содержание

Несколько дней в роли редактора провинциальной газеты	4
Конец ознакомительного фрагмента.	14

**Несколько дней в роли редактора
провинциальной газеты**
*Прекрасная тема для
остроумных людей*
(Перевод с американского)

Судьба вообще очень неблагоприятна ко мне, но всё-таки я не ожидал, что она сыграет со мной такую скверную штуку.

Я вступил в жизнь – в активную жизнь – учеником маляра, затем пёк булки, писал иконы, пас лошадей, копал землю для разных надобностей, – между прочим для покойников, – был крючником, ночным сторожем, корчевал пни, был садовником, испытал ещё много свободных профессий, везде чувствовал себя более или менее не на своем месте, дожил до такой степени выносливости, что стал считать безделье утомительнее труда, нажил себе «нервы», боль в груди, некоторый житейский опыт, ещё несколько неприятных вещей, – наконец, однажды вдохновился, нечто смело написал, робко снёс в редакцию, меня благосклонно напечатали, мне это понравилось, я решил остановиться на этом труде, близко родственном по своей сущности к корчеванию пней, – занятие, к которому я всегда питал особенную слабость, – решил и – стал провинциальным литератором.

И успокоился на этом, не порываясь больше никуда, убеждённый, что пост литератора обеспечивает голодную смерть не хуже и не менее, чем всякий другой пост.

Мне очень нравится быть литератором: ты пишешь, а тебя читают, и хотя ты не знаешь, каковые отсюда вытекут результаты, но, при некоторой наивности, вправе полагать, что они будут очень почтенны и солидны; а если природа позабыла наделить тебя скромностью, то ты можешь даже и мечтать о том, например, что люди тебя слушают и, согласно твоим советам и доказательствам, станут относиться сами к себе и друг к другу внимательней и благородней...

Я лишён этих удовольствий, — жизнь темна, я довольно потолкался в ней, и крылья моей мечты сломались.

Это очень печально, ибо преждевременно. Но я взялся за гуж литератора с благими намерениями и с успокаивающим убеждением, что ведь могло быть и хуже... Я наивно полагал, что мне не будет хуже, чем было. И вот однажды, поутру, я встал с постели редактором газеты.

Сначала я ничего не почувствовал, кроме некоторого лестного ощущения, и, преисполненный сознанием важности возложенной на меня задачи и крупного общественного значения моего как руководителя органа, имеющего целью влиять на общественное мнение, — отправился в редакцию...

Но уже дорогой я подумал — как же я буду руководить общественным мнением, в которую сторону позволено направлять его, где оно у нас есть, и знаю ли я, в чём оно выража-

ется?

«Мне нужно прислушаться к голосу публики», – решил я и по дороге стал прислушиваться.

Но голоса не услышал – была какая-то разноголосица и этакое туманное мычание, хотя и близко напоминающее человеческую речь, но без всякого намёка на гражданственные звуки.

Два, по внешности, вполне приличных господина рассуждали так.

Один горячо спрашивал:

– Да ведь он украл общественные деньги?

– Растратил, то есть, – спокойно поправлял другой.

– Ну, всё равно... всё-таки виноват он?

– Нет!..

– Как?!

– Так!

– Да ведь это преступление?!

– Нет, увлечение... несчастное увлечение...

– Да деньги-то крестьянские пропали?

– Пропали!

– Ну, так как же?

– Э, брат!.. это ригоризм у тебя. Нужно быть мягче, вдумчивее, гуманней...

– А у тебя отсутствует инстинкт общественности. Да! Общественный интерес выше...

Мне показалось, что человек, утверждавший, что растра-

та есть преступление... жалеет, что ему самому не удалось растратить, и потому так зол и строг, а его противник уже растратил, боится быть открытым и потому так человеколюбиво мягок...

Чтоб окончательно не убедиться в этом, я не стал больше слушать – и прошёл дальше...

Но мне не везло... Везде, где я видел двоих, я слышал два мнения... а иногда даже три и более. Это противно логике, но русскому человеку, очевидно, нимало не противно...

Мне стало немножко скверно, и я от души пожалел о том, что забыл справиться у старого редактора о цвете, форме и направлении общественного мнения, которым он руководил до своего отъезда в отпуск. Не имея представления – по неопытности моей – о том, каково оно у нас – это общественное мнение, – я готов был предположить, что оно тоже уехало в отпуск из русской жизни. Но в это время мне в глаза бросилась спокойная фигура полицейского, а в голову вскочила одна преоригинальная идея. Я подошёл к нему...

– Послушай, служивый, – сказал я... – Не знаешь ли ты, какое у нас сегодня общественное мнение?

– Время? – переспросил он.

– Нет – мнение... Знаешь – разговор... О чём и как говорят...

– Говорят? Про цирк говорят...

– Ну? Что же именно?

– Говорят – очень интересно! Во-первых, ломка... а потом

– можно корову выиграть... али самовар...

– Нет, это не то...

– То самое... Оно и есть... Уж нам это известно, мы за непотребством и безобразием обязаны следить... публичные развлечения нам известны.

Нет, он, очевидно, не понимал меня...

И, в смущении, я направился в редакцию, думая, что, может быть, по старым номерам газеты мне удастся определить вид и суть существующего общественного мнения, а также и направление, по коему я должен буду его вести...

В редакции меня ждал некто, очевидно, забывший в этот день вымыть руки, выбрить лицо и почистить костюм. В правой руке у него была палка, в левой рукопись, и на одном усе висело перо какой-то птицы...

– Имею удовольствие видеть нового редактора? – очень басовито, но вежливо осведомился он. Я убедил его в этом.

– Пр-ринёс р-рукопись... одну... Ррекомендуюсь – бр-ранд-майор в отставке – Терсит... впрочем, наплевать! Здешний обыватель... свой дом на Грязной улице... но это чепуха! Учился в гимназии... четыре класса... служил... познал несправедливость... и вот принёс вопль оскорблённого сердца... Выпиваю и в пьяном виде – дерусь!

Я не смел сомневаться во всём этом, осторожно взял его рукопись, весом не более двух фунтов, и сказал, что – прочитаю её... непременно...

– Д-да... буду обижен, если не прочитаете. Прежний ре-

дактор ничего не понимал в литературе... Трижды я приходил и предлагал ему: «Печатай!» – «Нецензурно», говорит. – «Сокращу!..» – «Всё равно нельзя». Раз даже смел сказать мне, что выгонит вон. Хотел его бить... но он осторожен...

– Вы... бьёте редакторов, которые... отказывают вам в помещении ваших произведений? – осведомился я, чувствуя, что это высоко интересно для меня.

– Всегда! – кратко и внушительно сказал он. – Бью и публично изрыгаю на них хулу.

Заслуживают! Двенадцать лет тому назад написал вещь – и не могут напечатать! В двадцать редакций посылал, наверное, – и – ни одна! «Братья-писатели!» и так далее.... Нужно поощрять таланты, а вы, редакторы... чёррт!

– Я прочитаю... я вот сейчас возьму и прочитаю... – умиrotворяюще произнёс я.

– Подожду... – И он сел на стул, грозно насупив брови.

– Нет, знаете что? Вы лучше идите...

– Куда?

– Домой... или куда вам угодно...

– Как эт-то понимать? а? Хорошо, не бойся – пойду... а ты мне дай двугривенный в счёт гонорара...

Я дал ему два пятиалтынных, и он ушёл. Я отёр пот со лба и посмотрел на рукопись. Она была довольно сильно потрепана и называлась... «Взгляд на мир с высоты каланчи. Откровенно философский взгляд на вещи, предметы, факты и события, а также и очерки из быта местной жизни и всякая

всячина общежития, изложенная в форме отдельных сцен и в трёх отделениях. Часть (отделение) первое... Сверху вниз. Взгляд высокопоставленного человека на низшие потребности людей и необходимость их».

Я отложил «Взгляд» в сторону, чувствуя, что сразу, с первого дня, мне не по силам чтение таких мудрых вещей...

Пришёл хроникёр и мрачно заявил, что хроники нет.

– То есть – это как же?

– Событий нет...

– Но ведь в городе случилось же что-нибудь за сутки?

– Ничего не случилось. Никто не удавился, не утопился, ниже иным родом покончил с собой. Привыкли все к такой жизни... Живут, живут и привыкнут... Не только по собственному почину не умирают – силком не заставишь.

– Но ведь за сутки в чём-нибудь да выразилась же общественная жизнь! – огорчённо воскликнул я.

– Ничего нет... Ни драк, ни краж, никакого озорства. Ничего...

– Да, может, хоть лошадьми переехали кого ни то?

– Говорю вам – нет. Знал бы уж...

– Как же мы без хроники? а?

– Да я чего ни то напишу...

– То есть?

– Выдумую какое ни то событие...

«Да... вон оно что! Значит, для оживления зеркала жизни газете иногда события-то выдумывать приходится», – сооб-

разил я и в душе восхитился человеческой находчивостью...

Вошла барышня... Совсем молоденькая барышня, с бумажной трубочкой в руке. Она вошла и, покраснев, остановилась у двери.

Я спросил её, что ей угодно.

– Я, видите ли... написала стихи...

И она уже так покраснела, что мне даже стыдно стало чего-то. Я начал, как мог, утешать и ободрять её, говоря, что пусть она не смущается – нынче это поветрие, все ныне этим грешат, и что, в сущности, если говорить объективно, так поступок не особенно зазорен и даже может быть прощён ввиду её молодости. Пусть она доверится мне, – я не буду строг.

Грудным ребёнком я сам писал стихи «к ней...»

И даже пробовал трагедию.

– Ах! – сказала она тогда и подала мне свою бумажку...

Крылья ночи Мне на очи
Тёмный бросили покров;
Засыпаю
И мечтаю
Про объятья, про любовь...

Читал я и смотрел на неё. А ей было лет так около тринадцати. Увы! скорбно в такие молодые годы испытывать неудачи... и разочарования! Но она испытала их...

Виноват в этом я... Думаю всё-таки, что я не до смерти убил младенческую душу...

Потом принесли ещё стихи. Тоже девица, но уже лет на тридцать старше первой.

Она была одета в розовое платье, а её стихи начинались словами:

О, сколь в душе моей сокрыто страсти бурной.
И сколько в голове надежд на счастье чада!

Зубы у неё были чёрные оттого, очевидно, что чад надежд, переполняя голову, выходил из неё через рот...

Потом ещё пришли длинные стихи в клетчатых брюках и в жёлтых башмаках. Очень странные.

Потом явилась поэма в серенькой кружевной накидке. Ещё по почте получено четыре пакета стихов. Наконец я разделся с ними и взялся за корреспонденции. Корреспонденции были разные.

Большинство из них были длинные, безграмотны и таинственны — никак нельзя было понять, о чём они именно трактовали. Некоторые были кратки, ясны и грамотны — но в силу этих причин неудобны для печати. Были также серенькие корреспонденции, кисло-сладкого характера и невинного содержания. Мне, по неопытности моей, самыми удобными для газеты корреспонденциями показались краткие, ясные и грамотные. Их я решил сдать в набор. Хроникёр преподнёс несколько событий. Подкинул трёх младенцев, обличил мостовые, пустил в городскую пыль несколько стрел

остроумия и полил всё это водой пространного рассуждения о женщине, покончившей с собой самоубийством. Вышло очень хорошо.

Затем я прочитал фунтов тридцать беллетристики. Несмотря на лёгкость содержания, она довольно сильно подавила мой дух, и точно я болотной воды напился – так неловко было мне.

Потом пришёл некий почтенный человек, просивший обличить своего соседа, удивительного мерзавца, убившего у него камнем курицу. Я отказался от обличения, ссылаясь на его голословность. Тогда он ушёл, обещая мне подтвердить факт трупом курицы, который он завтра готов принести в редакцию.

– По моему мнению, – сказал он мне на прощание, – долг прессы в том именно и заключается, чтоб доводить до сведения общества факты такие вопиющие, как вот этот, и защищать обывателя от злодейских посягательств на жизнь его домашних животных. Я, милостивый государь, человек семейный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.